

НАБРОСКИ К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНИН» И ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБЩЕСТВА (XVIII — НАЧ. XIX В.)

ГАЛИНА ДУРИНОВА
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

История слова и понятия *гражданин* неоднократно становилась предметом исследований как в лингвистической, так и в исторической науке. Для лингвистики интерес представлял вопрос о «стилистически и семантически соотносимых старославянизмах и русизмах»¹ (*гражданин-горожанин*), а также изменения в денотативном объеме понятия *гражданин*, приведшие к «распаду единого лексико-семантического гнезда *град-/гражд-*»² и деэтимологизации этого слова в современном языке. Для исторической науки оказалось важным исследование понятийных полей, в которые входило слово *гражданин* в разные периоды русской истории.

Необходимость дальнейшего накопления материала (контексты употребления этого слова), недостаточная разработанность методологии анализа темпоральной семантики слов-понятий³ — все это оставляет вопрос об истории слова и понятия *гражданин* открытым.

История понятия. Исследователями истории понятий неоднократно отмечалось, что «в истории ключевых понятий

¹ Улуханов И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012. С. 244.

² Алексеев А. А. История слова *гражданин* в XVIII в. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 1. Янв.—фев. Т. XXXI. С. 73.

³ См.: Маслов Б. П. От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры) // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М., 2009. С. 204–207.

в России высока доля интенциональности, авторства¹, что «через свои цивилизующие и ранжирующие речевые акты власть выступает в роли первого “ковача слов”»². В сущности, именно по инициативе правительства русское слово *гражданин* стало постепенно осмысляться в социально-политическом ключе. В 1718 г. по указу Петра I переводится книга С. фон Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина». Это значимый элемент петровской политики «популяризации понятия общего блага, которое должно было объединять правителя и подданных в едином порыве службы отечеству»³. К этому же времени относится возникновение понятия *патриот*⁴. «Кто Гражданин бывает, тот свободу свою естественную погубляет и подчиняет себя повелительству, которое жития и смерти власть имать»⁵ — видимо, *гражданин* как социально-политический термин потребовался для своего рода «словесной легитимизации» необходимости безоговорочной службы «отцу Отечества».

Этот существенный сдвиг в семантике слова не получил, однако, широкого и последовательного развития в Петровскую эпоху — в подавляющем большинстве документов слово лишено социально-политической семантики, обозначая *горожанина* и/или входя в оппозицию с «военным», «духовным»⁶. Форма множественного числа «граждане» выступает синонимичной собирательному «гражданство»⁷.

¹ Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // Понятия о России. Т. I. М., 2012. С. 41–41.

² Там же.

³ Хархордин О. Что такое «государство»? // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 152–216. Цит. С. 181.

⁴ См.: Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России; Агеева О. Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII в. // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): сб. ст. Вып. 1. М., 1994.

⁵ Пуфендорф С. О должностях гражданина и человека. <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>

⁶ По примерам из НКРЯ: ruscorpora.ru

⁷ Ср. (примеры из НКРЯ): «А яко же иное дело воинству, иное гражданству, иное врачам, иное художникам различным...» (Прокопович Ф. «Слово о власти и чести царской...», 1718), «И к сочинению той судебной книги избрать человека... из духовного чина... також де и от гражданства»

В 30-х гг. XVIII в. наблюдаются отдельные употребления с политико-правовым значением и морализаторским оттенком, «характерным для языка естественного права»¹. Эти употребления не связаны с официальным дискурсом власти, они относятся к языковой деятельности отдельных личностей. Например, в предисловии к II «Сатире» А.Д. Кантемир пишет: «Все, что пишу — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может»², а в примечании к XVII «Сатире» отмечает: «Сколько бы больше число было благонаправленных граждан, если б всякую нашу шалость ответственность были должны наши воспитатели»³. Так намечаются две линии развития семантики социально-политической терминологии: официальная, связанная с дискурсом власти, диктующей смыслы, и индивидуально-личностная, определяемая мыслительным поиском «интеллектуалов»⁴.

Подобные употребления оставались sporadическими до последней трети XVIII в., когда эти две линии приходят в конфликтное пересечение.

В 1783 г. по «заказу» Екатерины II издается второй перевод названной книги Пуфендорфа. Этот текст — обязательная часть школьного образования: воспитанию «верноподданного гражданина» уделяется 5 часов в неделю⁵.

(Посошков И.Т. «Книга о скудости и богатстве», 1724), «... толко оным пашенным хлебом доволствуются одни крестьянства, и то не с доволством, а гражданство доволствуется привозным хлебом из внутрь России» (Богданов А.И. «Описание Санкт-Петербурга», 1751).

¹ Алексеев А.А. Указ. соч. С. 70.

² Цит. по: *Веселитский В.В.* Из наблюдений над языком произведений А.Д. Кантемира (общественно-политическая лексика) // *Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина)*. М. — Л., 1966. С. 37.

³ Там же.

⁴ Ср. замечание Б.П. Маслова: «Одним из наиболее влиятельных в языковом отношении классов оказываются интеллектуалы, которые, в частности, служат посредниками в процессе заимствования из иностранных языков». *Маслов Б.П.* Указ. соч. С. 207.

⁵ *Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011. С. 77.

В «Грамоте городам» (1785) *гражданин* выступает как синоним слова *мещанин*, называющего городское население. В этот же ряд входит слово *обыватель*: «В городе составить городовую обывательскую книгу, в коей вписать обывателей города, дабы доставить каждому гражданину свое достояние от отца к сыну»¹. Однако *гражданин*, *мещанин*, *обыватель* все же не абсолютные синонимы. У слова *гражданин*, очевидно, уже есть некий терминологический статус, что особенно ярко проявляется в новом значении слова *гражданство*: это уже не собирательное имя, а отвлеченное качество, признак принадлежности к «градскому обществу»: «Буде кто не вписан в городовую обывательскую книгу... тот не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»². Разрыв с референтной семантикой («гражданство — совокупность граждан») проявляется в возможности образования этимологически тавтологического сочетания «гражданство города». «Тот факт,— пишет Е.Н. Марасинова,— что новое понимание взаимоотношений власти, общества и личности в монархических государствах выражалось именно через понятие «гражданин» имело свою историческую закономерность. По всей Европе горожане были самой независимой частью населения»³. Но, судя по всему, эта присущая изначально сословная составляющая устраняется одновременно с «переводом» слова на терминологический уровень. *Мещане*, как и *городовые обыватели*, *городовые жители*, *посадские* — социальные термины, закрепленные еще «Уставом» 1721 г. «Грамота городам», «подтверждая» социальную семантику слова *мещанин*, в сущности, делает *гражданина* административным термином. Исключения составляют термины *почетный гражданин*, *именистый гражданин*, обладающие сословной семантикой (имущественная составляющая)⁴ и подкрепляемые употреблениями как в законодательных, так и в художественных, публицистических

¹ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие. 4 изд. М., 2013. С. 213.

² «Грамота городам» (1785). Цит. по НКРЯ.

³ Марасинова Е. Н. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 105.

⁴ На это обращает внимание А. А. Алексеев (Указ. соч. С. 71–72).

текстах¹. В целом же в «Грамоте городам» употребление термина *гражданин* «не имело надындивидуального группового характера. «Гражданин» рассматривался как отдельный человек, который должен был в точности исполнять все возложенные на него законом обязанности»².

Но одновременно с таким узким значением («обладающий гражданством города») бытует и другой тип употребления: *гражданин* — общая номинация для жителей страны. В законодательстве жители страны назывались *подданными* (ср.: «О разном состоянии подданных вообще», «ко благополучию верных наших подданных» и др.). Единственным официальным документом, вводящим в социально-правовой дискурс «конкурирующий» с общепринятым термин является «Наказ» Екатерины II (1767). Как отмечает Марасинова, соотношение терминов *гражданин-подданный* в тексте «Наказа» примерно 100:10, тогда как в других документах второй половины XVIII в. 1:100³. И хотя в «Наказе», в духе риторики эпохи Просвещения, содержится немало определений, связывающих *гражданина* с законом и постулирующих равенство объединенных этой номинацией («Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам», «чтобы всяк из граждан мог сказать, что живет под защитой законов»), гораздо более осязаем и конкретен другой смысл: *граждане* — это те же *подданные*, но к понятию прибавляется дидактический компонент («Правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами»). Будущим гражданам нужно с детства «вперяти любовь к Отечеству», «страх Божий», «охоту к трудолюбию», «почитание гражданских законов» и пр. А цель этого воспитания — «быть полезными общества членами и служить оному украшением»⁴. Любопытно, что первое употребление этого термина в «Наказе» — дериват *согражданин*: «Всякого честного человека в обществе желание есть... всякого со-

¹ Напр., у Радищева: «...мой приятель Карп Дементыч, прежде сего купец третьей гильдии, а ныне имянитой гражданин». (Радищев А.Н. Собр.соч.: в 3 т. М.—Л., 1954. Т. 1. С. 264).

² Тимофеев Д.В. Указ. соч. С. 76.

³ Марасинова Е.Н. Указ. соч. С. 105.

⁴ Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта новаго Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 105.

гражданина... видеть охраняемого законами»¹. И это, видимо, не случайность. «Понятие “гражданство”, — пишет Д. В. Тимофеев — подразумевало наличие у “граждан” отношений взаимной зависимости... понятие “гражданство” означало, с одной стороны, общность людей, а с другой — подразумевало противопоставление частного и общественного... Для обозначения такого рода горизонтальных отношений между жителями Российской Империи употреблялось понятие “сограждане”»². В этом свете понятие *гражданин*, конечно, не совпадает с *подданным*, но продолжает ту же смысловую линию, одновременно усложняя и структурируя свою семантику. Безусловно общая для *гражданина* и *подданного* семантика подчинения власти осложняется внедряемым компонентом «отношения между подданными» (*сограждане*), выражающим все те же обязательства перед властью (без эксплицируемых прав). Кристаллизация понятия *гражданин* как социально-политического термина, таким образом, происходит на фоне конструирования той модели политической власти, при которой единственным «узлом», связывающим то, что именуется *обществом*, *законом*, *правом*, является суверен — то есть абсолютный, ничем не ограничиваемый правитель.

Гражданин и citoyen. Описанная выше ситуация выглядит парадоксальной на фоне схожих процессов в истории понятия *гражданин* (и его отделения от *горожанина*) в других европейских языках. Во французском языке расподобление *citoyen* и *bourgeois* происходило на фоне формирующейся антиномии *citoyen vs sujet*. Новая семантика *citoyen* становится возможной именно на фоне переосмысления отношений между властью и теми, на кого эта власть распространяется: «Понятие гражданин... отмечает завершение медленного процесса политико-морального освобождения, происходящего в сознании человека XVIII в. Сначала человек был вассалом сеньора, затем... подданным короля... И вот наконец он стал гражданином»³.

¹ Там же. С. 2.

² Тимофеев Д. В. Указ. соч. С. 80.

³ Robin R. La société française en 1789: Semur-en-Auxois. Paris, 1973. P. 333. Здесь и далее перевод с французского мой. — Г. Д.

В оригинале: «La notion de citoyen ... marque le couronnement dans la conscience des hommes du XVIII siècle d'un lent processus d'émancipation po-

Понятие *sujet*, однако, не исчезает, оно оказывается нужным для конкретизации правовых отношений в новой модели политического устройства. Эти разграничения точно показаны в следующей формулировке Ж.-Ж. Руссо: «Они [люди] объединяются именем *народа*, по отдельности именуясь *гражданами* как принимающие участие во власти суверена и *подданными* — как подчиняющиеся законам государства»¹.

Последняя треть XVIII в. — период *темпорализации семантики* французского *citoyen*. Это означает, что смысловая структура слова образует два временных полюса (в терминах Р. Козеллека «область опыта» и «горизонт ожидания») — определенное семантическое натяжение между опытом употребления слова и новыми интенциями отдельных «производителей дискурса». Эта семантическая поляризация — конфликтное состояние, когда от результатов «лингвистической борьбы» зависит внеязыковая реальность.

Это конфликтное состояние наглядно представлено в дефинициях толковых и критических словарей (*dictionnaires critiques*) эпохи². Значимым изменением в идеологии словарей этого периода является, во-первых, появление временно-го параметра в толковании слова, но не в смысле исторической семантики (то есть с акцентом на изменении лексического значения), а в представлении о пересечении некоей границы между прошлым и настоящим, так, что слово как бы распадается на два омонима (*citoyen & bourgeois, citoyen vs bourgeois*). Доминирующим является внеязыковой фактор, и слово, в сущности, «обслуживает» два разных мира. Во-вторых (и это уже собственно языковой фактор), меняется метаязык словарного описания. Представляемая в словаре дефиниция — лично значимое осмысление, в котором «задействовано» инклюзивное «мы» (*on*) или перволичная форма (*je*), временной дейксис

liltico-morale. On était d'abord vassal d'en seigneur, puis... sujet du roi... On devenait enfin citoyen».

¹ Там же, с. 330. В оригинале: «Ils prennent collectivement le nom de peuple et s'appellent en particulier citoyens comme participant à l'autorité souveraine et sujets comme soumis aux lois de l'Etat».

² Подробный анализ французских словарей представлен в работе: *Branca-Rosoff S. Les mots de parti pris. Citoyen, aristocrate et insurrection dans quelques dictionnaires (1762–1798) // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815). F. 3: Dictionnaires, normes usages. Paris, 1988. P. 47–75.*

(*maintenant, depuis quelque temps*), а также происходит апелляция к авторитету языковой личности, которая и становится точкой отсчета для определения *bon usage* (*Rousseau se qualifiait de Citoyen, Rousseau leur reprochait d'employer ce mot sans connaître sa véritable signification*).

Временной параметр эксплицируется в словарях постреволюционного периода. К временному параметру относятся, в сущности, два различных аспекта. Первый связан с экстралингвистической реальностью (*l'ancien régime vs nouveau régime*), второй отсылает к семантическому пространству понятия лат. *Civitas*. Именно с последним аспектом связано возникновение темпоральной семантики *citoyen*.

«Dicrionnaire de la constitution et du gouvernement français» Готье (Gautier) начинает дефиницию с политического значения: «Titre de l'homme libre en société. L'homme en société est libre, quand il concourt à la formation des loix auxquelles il doit obeir»¹. Далее акцентируется внутренняя форма слова («*citoyen, c'est-à-dire, membre de la cité*») и этимологическому значению придается статус истинного, единственно верного («*une ville n'est point un cité, on entend par cité (civitas) une réunion d'hommes qui se gouvernent eux-mêmes. L'homme qui n'est point citoyen est esclave*»). Это этимологическое, *новое* значение относится к постреволюционному периоду: «Les Français n'étaient pas *citoyens* avant la révolution qui leur a rendu l'exercice de leurs droits naturels». Итак, новая семантика *citoyen* представляет собой возврат к «исконному значению» *civitas*, потому что именно в нем запечатлено «естественное положение» жителей государства, заключающееся в их активной позиции по отношению к государственному управлению. Эта «этимологическая интерпретация» — не только политическая риторика, это условие возникновения определенного типа реальности. «L'erreur des révolutionnaires, — пишет Б. Спектор, — est d'avoir pris pour modèle la République romaine ou la Cité grecque en ignorant que celle-ci correspondaient à des formes sociales disparues»².

Однако если не осмыслять этот семантический поворот в категориях оценочного слова «*erreur*», а рассматривать его в качестве конститутивного элемента новой семантической структуры

¹ Здесь и далее цит. по: *Branca-Rosoff*. P. 71.

² *Spector B. Intoduction//La société*. Paris, 2000. P. 17.

citoyen, то можно наблюдать возникновение того, что Р. Козеллек называется «временными наслоениями понятия». Один из базовых постулатов *Begriffsgeschichte*, сформулированный Р. Козеллеком, звучит следующим образом: «Как только слово употреблено с определенным значением и привязкой к специфической реальности, это слово становится единственным в своем роде»¹. Далее дается определение темпоральной семантики: «Как только *societas civilis* переводится как «civil society» или как «*société civile*», коренным образом меняется первоначальное значение понятия... Понятие обладает разными временными наслоениями, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени»².

Порывая с дореволюционной традицией употребления («область опыта») и постулируя возврат к тому значению, которое учитывает *droits naturels*, понятие гражданина задает определенную семантическую перспективу («горизонт ожидания»): «le titre de citoyen décore maintenant tous les Français; fondé sur la nature, il est immortel comme elle: les tyrans peuvent le ravir aux hommes, mais tôt ou tard il triomphe des tyrans». Темпоральная структура понятия *citoyen* состоит из следующих «временных слоев»: 1. понятие *societas civilis*, описывающее структуру римского общества и характеризующее состояние свободного взрослого человека (в противопоставлении рабу), участвующего в управлении государством; 2. узус употребления, при котором *citoyen* — синоним *bourgeois* (и этот слой относится к «области опыта»); 3. «перспективная семантика», представленная в дефиниции в изъявительном наклонении и в форме настоящего времени, то есть как уже существующая (этот слой создает «горизонт ожидания»).

Таким образом, *sujet* и *citoyen* противопоставлены не только и не столько потому, что являются именами противоположных во внеязыковой реальности «референтов», а потому, что *sujet* осталось термином, тогда как *citoyen* стало понятием с многослойной темпоральной структурой. Сущностной характеристикой таких понятий, по Козеллеку, является их способ-

¹ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 25.

² Там же. С. 25.

ность выступать как «факторы» исторического развития. Одной из любопытных иллюстраций этого постулата может послужить история неологизма *citoyenne* (форма ж.р.).

Наряду с изменениями в семантической структуре понятия *citoyen*, у него появляется перформативная функция — выступать в роли обращения: «Citoyen Х...». Исключительно в качестве грамматического коррелята в употребление постепенно входит форма женского рода — *citoyenne*. И это становится «лингвистическим событием» (Ж. Гийому): «C'est dans cet emploi appellatif que je vois le fait linguistique le plus massif; ce fut, de plus, un vrai néologisme»¹, — констатирует А. Жофруа. Однако новообразование не ограничилось собственно-языковой сферой: «Puisque l'usage les appelait *citoyennes*, elles pouvaient demander à l'être pleinement, c'est à dire juridiquement parlant»². Так слово *citoyen* привносит во внеязыковую реальность качества и признаки понятия, которое оно выражает.

Эти изменения во французском языке встречаются иронические отклики в официальной российской публицистике (напр., статья «Признаки кружения голов французских» в «Вестнике Европы»). «В российском контексте подобные разграничения изменений в личных обращениях оценивались как бессмысленные, так как слово «гражданин» имело политически нейтральное значение и не вызывало ассоциаций с идеями социального равенства»³, а *гражданское общество* и *государство* не осмыслились в антагонистическом ключе⁴.

Общество обозначалось словом *гражданство* (в последней трети XVIII в. употребляется параллельно слову *общество*, постепенно уступает ему в частотности и уходит к началу XIX в.)⁵.

¹ Geffroy A. Citoyen|citoyenne (1753–1829)//Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815). F. 4. Désignants socio-politiques. P. 72.

² Там же.

³ Тимофеев Д. В. Указ. соч. С. 88.

⁴ Это можно проиллюстрировать примером из «Рассуждения о начале и основании гражданских обществ» А. Малиновского (1787): «В гражданских обществах верховная власть состоит в праве постановлять законы, побуждать к соблюдению их, повелевать и заставлять повиноваться». Цит. по: Тимофеев Д. В. Указ. соч. С. 85.

⁵ Отдельные замечания об этом см. в: Веселитский В. В. С. 38; Тимофеев Д. В. С. 78–79. Выводы о статистике по материалам НКРЯ. Ср., напр.: «Во всяком первоначальном гражданстве правительству примечается весьма

На этом этапе *гражданство* оказывалось более прозрачным термином для обозначения «общества», под которым понималась совокупность *граждан-подданных*.

Таким образом, в период последней трети XVIII в. русское слово *гражданин* становится социально-политическим понятием — в той системе государственно-правовых отношений, которая «транслировалась» властью и в которой оно выступало синонимом *подданного*, но в отличие от этого последнего, обладало очерченной смысловой структурой, предполагающей иерархию «подчинений» и обязательств — как между *согражданами*, так и перед *отечеством*.

«Самодержавие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не «гражданином», требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянства»¹.

Смысловая модель «гражданин—общество». Приведенные выше слова историка Е. Н. Марасиновой относятся именно к *истории* общественно-политических отношений в России. Но отмеченная роль личности в преодолении заданной смысловой структуры *гражданин—общество* является определяющей и для семантических сдвигов в терминологии русского социально-политического языка. Этими личностями стали «интеллектуалы», хорошо знакомые с европейскими идеями и, фактически, находившиеся в ситуации франко-русского двуязычия, что делало простым пересечение границ понятийных систем двух языков.

Так, вернувшись из Европы, куда он был направлен Екатериной II с группой других русских студентов, А. Н. Радищев в 1773 г. переводит с французского книгу просветителя Мабли «Размышления о греческой истории». Разумеется, перевод имеет целью не только ознакомление русского читателя с древнегреческой историей. Отсюда некоторые «вольности». Так, слово *déspotisme* Радищев переводит как «самодержавство» и сопро-

слабым и не имеющим довольных власти к восстановлению благоустроенных в обществе... (Третьяков И. А. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... (1772).

¹ Марасинова Е. Н. Указ. соч. С. 117.

вождает главу следующим примечанием: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общей воли... Если мы уделяем закону часть наших прав и нашей природной власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества»¹. В одном этом коротком замечании находят выражение те социально-политические отношения, какие лежат в основе французских понятий *société*—*citoyen*. Но для выражения этой модели используются русские слова, уже «приписанные» к совсем иной модели — что провоцирует прежде всего лингвистический конфликт. Возникает вопрос: каково же значение русских слов *гражданин*, *общество*?

В.В. Виноградов выделяет три метода передачи западноевропейских понятий в русском языке XVIII в.: метод описания значений (*geste* — телесное мановение), метод калькирования (*réalité* — вещьность) и метод «семантического приравнивания»². В случае с парой *société* — *общество* речь идет, конечно, о третьем типе генерации понятия средствами лексической системы языка. Поскольку слово в системе данного языка не существует отдельно от других слов и не может быть воспринято носителями изолированно от контекстуальных сопряжений, закрепившихся в узусе, невозможно в точности повторить выражаемое словом другого языка. «Приравнивание» заключается в пропорциональном отношении заведомо «предписанного» языком и творимого им. Так, слово *общество* «предписывает» различать в понятии смысл равенства, положенного в отношение, которое может составить нечто в количестве >1, и оказывается способным «творить» бесконечное количество понятий о том, что может быть «общим». Напротив, слово *société* — «*étymologiquement synonyme d'alliance (en latin*

¹ Радищев А.Н. Собр. соч.: в 3 т. М.—Л., 1954. Т. I. С. 282.

² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII—XIX вв. М., 1982. С. 166–169.

socio) ... ne serait que la juxtaposition d'individus privés»¹. Каким же образом одно слово может быть «переводом» другого, когда их глубинные семантические структуры абсолютно зеркальны?

Здесь и начинается то, о чем Р. Козеллек писал: «Семантика покровительствует именно определенным способам организации идей и опыта. Любой языковой акт зависит от воспроизводимости семантики. Этот фундаментальный факт конституирует темпоральную внутреннюю структуру в каждом из употребляемых нами понятий»². Ярким примером этого «спровоцированного» лингвистического эксперимента является текст «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), где едва ли не все ключевые понятия выражаются образованиями с корнем *-общ-*. Ср.: *общество — гражданское сожитие, общники — сограждане нам равные, общежитие — сожитие, общественные законоположения*³. Осмысление *гражданина* как *общника*⁴ делает акцент на смысле «индивид+индивид», то есть подчеркивается активность участников ситуации «общества».

Это языковое *созидание* действительности входит в конфликт с существующей и *отраженной* в языке дискурса власти модели «гражданин-общество», в которой нет индивида-общника, а есть всеобщее уравнивание в подчинении.

Почти одновременно И. А. Крылов в «Почте духов» одним союзом открывает альтернативную перспективу государственного устройства: «Там есть царь, но [выделено мной. — Г.Д.] есть законы» (рассказ о некоей идеальной стране).

На этом фоне запрет Павла I (1797) употреблять слова *гражданин* и *общество* выглядит вполне логичным.

Но как же все-таки стало возможным фактически параллельное развитие двух разных смысловых моделей: «гражданин — гражданство — отечество», «гражданин — общество — отечество»?

Возникшее изначально в первой модели понятие *гражданин* подверглось обобщающей номинации (*гражданство*)

¹ Spector В. Указ. соч. Р. 15.

² Козеллек Р. Указ. соч. С. 28.

³ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. С. 107–110.

⁴ Ср. др.-рус.: «Общникъ. 1. Тот, кто приобщился к кому-либо, чему-либо, причастный к кому-либо, чему-либо. 2. Сотовариш. 3. Соправитель». Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988.

посредством «оконтуривания» того неидентифицируемого множества. Почему возникла необходимость этого внешнего «оконтуривания», вследствие чего и был утрачен смысл «индивид, имеющий права гражданина», а смысл «обязанности» стал доминирующим (что привело к отождествлению с понятием *подданный*)? «Гражданское общество»... оказывалось абстрактным понятием, которое при сопоставлении с окружающей действительностью распадалось на отдельные сегменты, так как на первый план всегда ставился вопрос о том, к какому «состоянию» принадлежал тот или иной «гражданин»¹. Таким образом, не было единого экономического, сословного, правового критерия, позволяющего всем *подданным* стать *гражданами*. Соответственно, требовался иной объединяющий признак — им стал смысл «обязательства перед государством, подчинение», который проводился через метафору семьи (*сын отечества, отец отечества*). Отсюда постоянные импликации «быть хорошим гражданином есть быть хорошим отцом, супругом, сыном»².

Когда *гражданин* становится социально-политическим термином (в модели, предлагаемой властями) и образует структуру с понятием *гражданство* (собирательная номинация для граждан-подданных), прозрачная внутренняя форма («град») оказывается в противоречии со смыслом понятия (уже не связанного с местом проживания). Кроме того, ничего «принципиального» в словообразовательной связи *гражданин* — *гражданство* не было, ведь суть *гражданина* заключалась не в его отнесенности к *закону и праву* (как *сiтоуен*), а в том, что он представлял как мишень для изъявления «государевой воли». Соответственно, *гражданство*, собирательная номинация, также заключала в себе «точку зрения» официального дискурса власти. В этом свете совершенно не удивительно, что слово *гражданство* не задержалось на этой «должности» — на его место пришло слово *общество*, логично и прозрачно называя суть явления: «граждане образуют некое единство постольку, поскольку у них есть общее, заключающееся в том, что все они безоговорочно подчинены государству». Логика образования социально-политического словаря

¹ Тимофеев Д. В. Указ. соч. С. 87.

² Ст. «Альцибиад к Периклу» в «Вестнике Европы». Цит. по: Тимофеев Д. В. Указ. соч. С. 81.

предстает как бы в «третьеличной форме»: она развивается не от «я», а являет собой «нарратив власти».

Таким образом, понятие, для выражения которого «нашлось» слово *общество*, сложилось в той модели социально-политических отношений, где *гражданин* занимает ту же смысловую позицию, что и *подданный*, а *закон* (фактически) — ту же, что и *государева воля*. В русском языке слово *общество* удачно заполнило эту подготовленную нишу. Внешне воспроизводящая французскую структуру *citoyen — société*, модель *гражданин — общество* поддерживала совершенно иную семантику.

Переосмысление *гражданина* в ключе французского *citoyen* и связи последнего с понятием *société* привело к «возвращению» слову семантики единичности, значения «индивид, имеющий право и долг действовать в сфере общественных интересов». Заново рожденному понятию *гражданин* уже не соответствовало понятие *общество*, и оно должно было либо уйти, либо оказаться способным к динамике продвижения во времени языка. Произошло последнее: предельно широкая семантика корня *-общ-* представляет целый спектр потенциальных значений — того, что, собственно, может быть «общим». Отказ от первого значения «общее подчинение власти» «запустил процесс» поиска другого критерия для «общности». Для первых десятилетий XIX в. характерны многочисленные дефиниции «общества»: «всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется обществом», «члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели» (П. И. Пестель), «соотношение людей, в котором им принадлежит взаимное право требовать от всех прочих содействия к достижению общей цели» (А. П. Куницын). Таким образом, *общество* — «соединение на основе общей цели». «Цель» имеет валентность на субъект («кто имеет цель») и на содержание («в чем состоит цель»). Все это связывает *общество* и *гражданина* в новую структуру, где главная роль принадлежит индивиду, его воле, нравственным установкам.

О том, что русский язык пошел именно по этому второму (предложенному «интеллектуалами») пути, можно судить хотя бы по тому факту, что именно эта нравственная, этическая составляющая в составе понятия *гражданин* стала «горизонтом ожидания» в его темпоральной структуре. Это «то,

что ожидается от гражданина, но чем еще он не является». Отсюда возникает противопоставление *гражданина* и *человека*: *гражданин* должен «довоплотиться» в *человека*. Если Радищев, в период формирования «нового» понятия *гражданин*, призывал осознать катастрофичность той ситуации, при которой не все люди могут быть *гражданами*, то спустя тридцать лет В.К. Кюхельбекер, в «Европейских письмах» с грустью констатирует, что «купец, воин, гражданский чиновник, духовный <...> не только не были людьми, они даже не были гражданами»¹. Этот отрывок свидетельствует о том, что в языковом сознании поколения декабристов понятие *гражданин* уже нормативно и имеет внутреннюю смысловую динамику: «от гражданина к человеку».

¹ Кюхельбекер В.К. Европейские письма // Декабристы: в 2 т. Т. 2. Проза. Литературная критика. Л., 1975.